

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Центр экономической истории при Историческом факультете

Российская Академия наук
Институт российской истории

Группа «Социально-экономическая история: экономика и общество»

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

ЕЖЕГОДНИК

2002

Москва
РОССПЭН
2003

*Канищев В.В.**

**Экономика, демография, экология
в контексте модернизации аграрного общества
(Тамбовская губерния в XIX — начале XX в.)****

Воздействие на экономику, разумеется, не сводится только к демографическому и экологическому факторам. Экономическое развитие всегда протекает в многофакторной среде. Однако демографический и экологический аспекты экономики наиболее близки к повседневной жизни человека традиционного аграрного общества. Причем, применительно к данной стадии развития общества демография рассматривает воспроизводство человека, главным образом, в качестве биологического вида сообразно законам природы, а экология — воздействие человека на окружающую среду и обратное воздействие природы на общество. Эти вопросы явно недостаточно изучались в российской исторической науке, особенно в отношении конкретных регионов и исторических периодов. Российская историография, особенно советского периода, традиционно наибольшее внимание уделяла политическим факторам (государственные деятели или институты), социальным факторам (общественные или производственные отношения), социально-политическим факторам (народные движения или классовая борьба), а также факторам субъективного порядка (религия или идеология).

Тамбовский регион выбран объектом данной статьи в силу многолетней связи с ним автора и его исследовательского опыта. Конечно, Тамбовская губерния, как и любая другая, испытывала влияние общероссийских процессов. Однако в XIX — начале XX в. она не столкнулась со значительным притоком населения извне или с кардинальными изменениями взаимоотношений человека с окружающей природной средой, связанными с открытием и разработкой новых природных ресурсов. Другими словами, регион естественно развивался «своим» населением и в «своей», отнюдь не традиционно, природной среде.

Период XIX — начала XX в. выбран нами не только потому, что в эту эпоху завершился общемировой переход от аграрного общества к индустриальному. В разных странах и регионах отдель-

* Канищев Валерий Владимирович — доктор исторических наук (Тамбовский государственный университет).

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 99-06-80437.

ных стран этот процесс занял десятилетия и закончился в разное время. В Тамбовской губернии такая трансформация растянулась минимум на 150 лет и даже вышла за рамки рассматриваемого нами периода. В XIX в. постепенно обнаружились естественные пределы развития экономики, демографии и экологии традиционного общества, а в начале XX столетия явно проступили черты экономического, демографического и экологического кризиса аграрного общества.

Поэтому основной задачей статьи является анализ механизма нарастания кризисных явлений и, в меньшей мере, их преодоления, которое пришлось уже на советский период.

* * *

Тамбовский край начал широко осваиваться с середины XVII в., когда он стал одним из участков протяженной оборонительной линии Русского государства от набегов крымских и ногайских татар. Постепенное продвижение оборонительных сооружений на юг по сути было составной частью многовековой борьбы земледельцев и кочевников за обладание восточноевропейским участком Великой степи как громадным ресурсом экстенсивной экономики традиционного общества.

Оттеснение российским государством кочевников далеко на юг (после Азовских походов Петра I) уже в начале XVIII в. создало благоприятные условия для хозяйственного освоения русскими тамбовской черноземной территории. Поддерживаемое государством заселение региона русскими помещиками и крестьянами, активная русификация через миссионерскую деятельность православной церкви или через привлечение на русскую службу коренного финно-угорского (мордовского) и тюркско-кочевго (собирабельное название «татары») населения привели к утверждению земледельческого направления развития региона и вытеснению лесного охотническо-собирабельского хозяйства мордвы и степного скотоводческого хозяйства «татар».

В течение второй половины XVII—XVIII вв. экономика тамбовского региона развивалась почти всецело в зависимости от природных условий, которые пока не создавали ограничений для развития экстенсивного земледелия в приречных районах.

Естественно, экстенсивная аграрная экономика была сопряжена с экстенсивным демографическим поведением крестьянского населения. Как отмечают специалисты по истории экологии, человеку как биологическому виду присуща способность резко увеличивать свою численность при благоприятных условиях. Расширение «пищевого пласта» и рост стабильности запасов пищи благодаря освоению новых территорий и природных богатств влечет за собой демографический бум¹.

Как установил наш коллега В.Л.Дьячков, проанализировав годовые данные об основных показателях демографического поведения нескольких сельских и городских приходов Тамбовской гу-

бернии более чем за 150 лет (с середины XVIII до начала XX в.), крестьяне аграрного региона на протяжении всего периода неизменно демонстрировали традиционное демографическое поведение, практически полностью зависящее от природных циклов. Заметим, что сравнение процессов, выявленных на тамбовском материале, с демографическими процессами в ряде других российских и зарубежных приходов аграрного периода, дало аналогичные выводы².

По мнению В.Л.Дьячкова, примерно каждые 28 лет, в годы снижения рождаемости и урожайности, природа «устраивала» резкие повышения смертности, подбирая «лишних». Но человек, в отличие от растения и животного, существо с принципиально иной способностью к выживанию. Поэтому саморегулирующаяся циклическая модель начинала расщепляться, и кривая рождаемости отрывалась от кривой смертности. Используя демографическую статистику, В.Л.Дьячков локализует во времени момент, когда смертность «проспала» рывок рождаемости. По его мнению, в российской деревне это произошло на рубеже 1810—1820-х гг.

Этот рывок должен был стать для русской деревни сигналом к срочному переходу на иной тип хозяйства и демографического поведения, так, как это за десятки лет до того сделала западноевропейская деревня. Но в силу известных природных и исторических обстоятельств русский крестьянин не хотел и не мог позволить себе внять грозным предупреждениям свыше. Государство же, дожив с крепостным правом до середины XIX в., до поры не видело и не хотело видеть возможной катастрофы.

Результатом таких демографических процессов стали первые признаки аграрного перенаселения Тамбовской губернии. По подсчетам В.М.Кабузана, за период 1816—1854 гг. из Тамбовской губернии было переселено государством и помещиками около 60 тыс. крестьян³.

Миграция крестьянства за пределы губернии во многом была связана с тем, что тамбовские города, которые до середины XIX в. оставались главным образом административными центрами и аграрными поселениями, не могли принять сколько-нибудь значительное количество избыточного населения.

Более того, в первой половине XIX в. они переживали заметные демографические и экологические проблемы, которые оказывали существенное влияние на развитие их экономики и препятствовали крестьянскому переселению в городские пределы.

По расчетам Б.Н.Миронова, с 1830-х гг. во многих российских городах наблюдались снижение естественного прироста при малом притоке населения. Главными причинами этого он считает высокую смертность горожан как следствие скученности населения, заметной антисанитарии, плохого водоснабжения⁴.

В условиях избытка в городах земледельческого населения и одновременного роста чиновничества, что особенно проявлялось в губернском городе, тамбовские власти вынуждены были проводить необычные миграционные мероприятия. В середине XIX в. было

организовано переселение из пределов города «неумещавшихся» здесь крестьян-однодворцев Покровской и Пушкарской слобод, а также обитателей Стрелецкой Ямской слободы (преимущественно ямщиков по профессии, имевших к тому же земельные наделы и занимавшихся сельским хозяйством) на свободные пригородные земли.

Тем не менее, в черте тамбовских городов многие десятилетия сохранялись (вплоть до наших дней) большие приусадебные участки. Конечно, их размеры были недостаточны для выращивания зерновых и других полевых культур. Они использовались под садово-огородные растения и содержание скота.

Для первой половины XIX в. трудно говорить о сочетании натуральности и товарности в хозяйствовании на городских приусадебных участках и степени интенсификации производства овощей, ягод, плодов, мяса, молока.

Информация экологического характера позволяет говорить о сохранении значительной по масштабам сельскохозяйственной деятельности горожан, явно не ориентированной на рынок. Свидетельством тому являются слова известного историка Тамбовского края прошлого века И.И.Дубасова о внешнем облике Тамбова начала XIX в.: «К довершению городского безобразия обыватели свободно вывозили навоз к собору (имеется в виду кафедральный Спасо-Преображенский собор. — В.К.) и тут, в центре города, выщались на берегу Цны целыя смрадные горы. А иные жители бросали навоз прямо в реку, которая и без того никогда не отличалась доброкачественностью воды»⁵.

В 1818 г. в Тамбове начали проводиться работы по исправлению большого канала, проходившего посреди города. И.И.Дубасов отмечал: «К несчастью работа шла медленно и неискусно. Строители получали награды и наживались, а канал не получил свежей и чистой воды "до сего дня"..."»⁶

Все это породило серьезные экологические проблемы, особенно связанные с загрязнением речной воды. Уже Экономические примечания к Генеральному межеванию по Тамбову (1828 г.) свидетельствуют о том, что в описании р. Студенец, чьи ресурсы широко использовались горожанами с периода основания города в середине XVII в., не упоминается наличие рыбы. Применительно же к другим рекам, протекавшим через города губернии, составители Экономических примечаний исправно указывали наличие рыбы вплоть до перечисления их пород⁷.

Наиболее печальным результатом загрязнения воды в Тамбове в XIX в. (не только Студенца, но и Цны) стало превращение ее в питательную среду болезнетворных бактерий, в частности, холерных эмбрионов. Во многом вследствие этого Тамбов тяжело пережил эпидемии холеры не только 1830, но и 1848—1849, 1855, 1866 и особенно 1871 гг. Холерные эпидемии XIX в. тяжело сказались и на населении двух других городов губернии — Моршанска и Борисоглебска⁸. Два последних города расположены на сравнительно крупных реках — Цна (ниже Тамбова по течению) и Хопер, соот-

ветственно. Зараженность воды в районе этих средних по масштабам того времени городов говорит о сравнительно сильном отрицательном влиянии хозяйственной деятельности горожан на окружающую водную среду.

С другой стороны, важно отметить, что в других городах губернии (всего их было 13, преобладали малые города) сильных эпидемий холеры не было. Такое явление, вероятнее всего, объясняется небольшой демографической и экономической нагрузкой их населения на природную среду.

Существенное влияние на судьбу Студенца оказало и движение по ней судов с хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами к базарной площади Тамбова. Такое интенсивное для небольшой реки движение вело к ее обмелению и размыванию берегов. Еще до XIX в. по берегам Студенца почти полностью был вырублен жителями Тамбова весьма густой дубовый лес, который укреплял речные берега.

На берегах протекавших через Тамбов Студенца и Цны не было крупных и даже средних промышленных предприятий и соответственно не могло быть промышленного загрязнения воды. Судьба этих рек наглядно показывает, что даже в доиндустриальном городе при наличии сравнительно высокой плотности населения и его широкой сельскохозяйственной деятельности могли возникать кризисные моменты в использовании человеком водных ресурсов.

Экологические проблемы как следствие экстенсивного экономического и демографического развития в первой половине XIX в. стали возникать и в сельской местности.

Наиболее существенной из них стало нарушение существовавшей в начале века оптимальной структуры использования природных угодий. Известный российский статистик К.И.Арсеньев, приводя сведения о количестве земли по Генеральному межеванию в Тамбовской губернии на 1797 г. (в пропорциональном отношении оно выглядело так: пашня — 40%, леса — 31%, луга — 29%), указывает на «самое равномерное распределение угодьев» в Тамбовской губернии в сравнении с другими губерниями черноземной зоны. Он также привел данные об изменениях структуры природных угодий в Тамбовской губернии в расчете на душу населения к 1846 г. За первую половину XIX в. пашня уменьшилась с 2,5 до 1,5 дес. на душу, луга — с 2 до 1 дес. на душу, леса — с 2 до 1 дес. на душу⁹. Эти цифры говорят о двукратном увеличении человеческой нагрузки на все основные природно-земельные ресурсы.

С другой стороны, если пересчитать в процентах данные 1846 г., можно увидеть, что структура использования природных угодий в сравнении с концом XVIII в. почти не изменилась. На 2% выросла доля пашни и настолько же сократился удельный вес лесов. Процентное содержание лугов среди других угодий сохранилось на прежнем уровне. А вот к середине 1860-х гг. произошло резкое изменение распределения использования земельных угодий

губернии. В 1866 г. пашня (вместе с усадебной землей) уже занимала 70%, леса — 18%, сенокосы — 12 %¹⁰.

Такого рода экологические процессы стали замечать еще современники. Известный в середине XIX столетия тамбовский публицист и писатель И.Грузинов в «Истории моего приятеля» писал: «Как хорош месяц Июнь в средней полосе России, в тех губерниях, которые еще по привычке называют степными, хотя земли девственной, нетронутой еще сохою, редко найдешь где среди их тучных, хлебородных нив; и ковыль трава, туземным жителям скоро будет известна по преданиям...»¹¹

К середине XIX в. в сельской местности наметились проблемы и с использованием водных ресурсов. В связи с нехваткой для расселения приречных территорий началось основание новых населенных пунктов в плакорных (межречных) пространствах, где требовались искусственные источники воды. Обработка данных списка населенных пунктов Тамбовской губернии 1862 г. показала, что около 20% сельских поселений (свыше 300) к этому времени расположились у прудов, колодцев, оврагов с водой и т.п.¹²

По неопубликованным еще подсчетам Е.Простотиновой, основанным на Экономических примечаниях к межеванию Менде, к середине XIX в., в десятках сел Тамбовской губернии стало наблюдаться чрезмерное загрязнение водоемов в связи с водопоем и купанием крупных стад скота, а также нарушение режима рек из-за строительства мельничных заград.

Так что к эпохе Великих реформ в Тамбовской губернии проявились первые признаки демографического и экологического кризисов, которые не могли не отразиться на экономическом развитии. Как неизбежное следствие экстенсивного хозяйствования и агротехнической отсталости, начала снижаться урожайность основных культур. поголовье крупного рогатого скота сокращалось, т.к. условия его разведения ухудшались из-за распашки лугов¹³.

Крестьянская реформа 1861 г. открыла возможности для сравнительно быстрой социально-экономической модернизации России. Отмена крепостного права дала свободу крестьянам в смысле выбора профессиональных занятий, места жительства, устройства личной жизни, сделала их заинтересованными мелкими хозяевами, вынудила помещиков активно заняться экономической деятельностью, вкладывать деньги, полученные от выкупных платежей, за сдачу в аренду земли и т.п., в различные виды предпринимательства.

Во второй половине XIX — начале XX в. Тамбовская губерния оставалась типичным аграрным регионом¹⁴. Экстенсивное земледелие по-прежнему являлось главной отраслью сельского хозяйства, чему способствовало высокое плодородие земли.

Современные количественные методы исторического исследования, разработанные группой московских историков во главе с академиком И.Д.Ковальченко, позволили определить уровень сельскохозяйственного развития отдельных губерний Европейской России применительно к концу XIX — началу XX в. В этом отно-

шении Тамбовщина предстает как среднеразвитый регион, занимавший по совокупности показателей аграрного сектора 26-е место среди 50 губерний¹⁵.

По развитости земледелия Тамбовская губерния была одной из ведущих в Европейской части страны. В 1860—1870-е гг. она даже первенствовала по урожайности основных зерновых культур, по производству хлеба на душу населения. В пореформенный период произошел резкий скачок с традиционной даже для черноземных регионов России урожайности хлебов в сам-3 — сам-4 до сам-7 — сам-8.

Однако рост сельскохозяйственного производства в губернии только отчасти был связан с повышением производительности ставшего свободным труда крестьян. Главным образом он достигался экстенсивным путем, особенно из-за резкого расширения посевных площадей. В первое двадцатилетие после реформы на Тамбовщине усиленно распахивались целинные и залежные земли, вырубались леса, засыпались овраги.

К 1917 г. размеры пашни в процентном отношении выросли почти на 10 пунктов по сравнению с 1860-ми гг. Уже в середине XIX в. большая распаханность земель при крайне низкой агротехнике, повсеместная распашка склонов привели к росту числа оврагов. Именно в этот период стали говорить об эрозийных процессах на территории Тамбовской равнины.

Интенсивная вырубка лесов привела к тому, что за 10 лет после реформы 1861 г. площадь лесов уменьшилась на 40% и составила около 18% общей площади. Лес вырубался для строительства, на вывоз, для производства угля, смолы, дегтя, разной утвари. Кое-где проводились засеивания лесов после вырубки, но из-за отсутствия ухода лес получался плохого качества. Некоторые современники-специалисты отмечали, что систематическое опустошение леса приведет к сокращению строительного материала и даже к изменению климата¹⁶. В последующие десятилетия процесс сведения лесов продолжался, и к 1917 г. их доля в структуре земельных угодий занимала уже менее 15%¹⁷.

Жажда получивших свободу крестьян побыстрее улучшить свою жизнь любым путем привела к истощению богатых тамбовских черноземных почв. Крестьяне порой даже не оставляли часть земли отдыхать под паром, не привыкли использовать удобрения, даже навоз от скотины не вывозился на поля.

К началу XX в. Тамбовская губерния стала постепенно отставать по уровню развития земледельческого производства от южных и восточных районов страны, где оставался обширный земельный фонд, а также от западных губерний, где заметно нарастали процессы интенсификации сельского хозяйства (использование сельхозмашин, применение минеральных удобрений, введение многопольных севооборотов, распространение агрономических знаний).

Производство хлебов в 1910-х гг. в Тамбовской губернии фактически оказалось на уровне 50-летней давности. В 1861—1866 гг. чистый годовой сбор зерновых составлял примерно 1050 тыс. т, в

1917 г. — 1150 тыс. т¹⁸. Снижение темпов роста производства продуктов земледелия, ряд неурожайных лет, вывоз огромного количества товарного хлеба из Тамбовской губернии, широкое использование зерна в качестве сырья для растущей винокуренной промышленности в условиях «демографического взрыва» породили серьезные продовольственные трудности в тамбовской деревне уже на рубеже 1880—1890-х годов и особенно последний крупнейший для дореволюционной России голод 1891 г.

Естественно, что крестьянство пыталось искать компенсацию душевого производства и потребления зерновых. Видимо, прежде всего такая компенсация происходила за счет наращивания производства «второго хлеба» — картофеля. С 1861 г. по 1917 г. в Тамбовской губернии сбор картофеля вырос со 100 тыс. до 530 тыс. т¹⁹. Но этот рост также мог привести к сложным экологическим последствиям, поскольку под посадку картофеля не совсем пригодны жирные черноземные почвы, и выращивание этой культуры шло часто на очищенных от лесов серых и песчаных землях.

По уровню скотоводства Тамбовская губерния, по оценкам историков, находилась среди наименее развитых территорий Европейской России. Скот Тамбовской губернии принадлежал, как тогда говорили, к обыкновенной русской породе, и только в немногих помещичьих имениях разводился крупный рогатый скот иностранных пород. Крестьянский скот оставался мелким, не отличался никакими особыми достоинствами и разводился преимущественно для продажи гуртовщикам и на солотопни, т.к. местное земледелие на черноземных почвах большей части губернии не требовало, по тогдашним представлениям, особых удобрений.

Сокращение лугов, сенокосов, выпасов неизбежно вело к сокращению поголовья скота. Земский исследователь экономического положения Центрально-Черноземных губерний А.Д. Полетов составил динамические ряды процентного содержания изменения численности домашнего скота по губерниям региона за 1861—1895 гг. Они показали, что весьма развитое в Тамбовской губернии коневодство в этот период постоянно сокращалось. К концу XIX в. количество лошадей уменьшилось более чем на 50%. С 1880-х гг. в губернии началось сокращения поголовья крупного рогатого скота. Через 20 лет оно стало меньше на одну треть²⁰.

Ухудшение экологического положения губернии и его влияние на экономику и жизненный уровень тамбовского крестьянства быстро заметили современники. Так, в отчете сенатора Мордвинова, ревизовавшего Тамбовскую губернию в 1870-е гг., отмечались явные признаки уменьшения крестьянского благосостояния, связанные с истощением плодородности земли вследствие беспорядочной и хищнической ее обработки, уменьшением количества рабочего скота²¹.

Экологический кризис дополнялся резким осложнением демографической ситуации. В 1870—1898 гг. произошел очередной циклический «демографический взрыв», в ходе которого рождае-

мость заметно «оторвалась» от смертности и к концу XIX в. население губернии выросло почти на миллион человек.

Демографический подъем до предела обострил проблему аграрного перенаселения Тамбовской губернии. По некоторым подсчетам, свыше 40% сельского населения оказалось «лишним»²².

Миграционные процессы не смягчили остроту демографической ситуации. К 1897 г. из губернии выехало 260 тыс. сельских жителей, почти десятая часть населения Тамбовщины на тот момент. В основном эти люди переезжали в Сибирь, в другие окраинные районы России, где имелись свободные земли. В 1906—1914 гг. из Тамбовской губернии выехало примерно 100 тыс. крестьян (около 3% населения края), что явно не могло смягчить напряженность земельного вопроса на Тамбовщине. К тому же, четверть тамбовских мигрантов не смогла обустроиться на новых местах и вернулась в родные края²³.

Еще меньшие масштабы имела промышленная миграция. Только около 15 тыс. тамбовских крестьян во второй половине XIX в. переселилось в промышленные районы России (Московскую, Харьковскую, Екатеринославскую и другие губернии)²⁴.

При этом, правда, нужно иметь в виду, что с постройкой железных дорог для тамбовских крестьян появились возможности для сезонного промышленного отходничества. Наиболее заметно оно проявилось в осенне-зимнем отъезде тамбовских мужиков на шахты Донбасса по проходившей через территорию губернии линии Юго-Восточной железной дороги. Но к весеннему сезону мужчины возвращались домой и вновь вливались в ряды сельских работников и, что немаловажно отметить, наиболее активных едоков.

Города Тамбовской губернии, как и в первой половине XIX в., были не готовы принять избыточное сельское население. Специальное изучение автором этих строк степени урбанизации городов Тамбовской губернии с использованием коэффициента концентрации показало явное превращение их к концу XIX в. в места сосредоточения неземледельческих занятий²⁵. Но этот факт отражал не столько высокий уровень развития городов губернии, сколько контраст города и деревни, свойственный России в целом.

Сравнение городов Тамбовской губернии между собой позволяет выявить их иерархию. Тамбов выделялся как административный и культурный центр, в особенности, «паразитический город», т.е. место проживания дворянства, получавшего доходы от помещий (обитателей богаделен, приютов и им подобных учреждений), а также «социально незащищенных элементов», находящихся на содержании государства (обитателей богаделен, приютов и им подобных учреждений). Вместе с тем, в торговом, транспортном и промышленном отношениях Тамбов особо не выделялся. В целом его можно охарактеризовать как преиндустриальный город, где традиционные сферы деятельности преобладали над современными. К Тамбову были близки старые города севера губернии (Елатьма, Кадом, Спасск, Темников, Шацк), где отмечена высокая кон-

центрация как «паразитических элементов», так и чиновничества и духовенства.

Наименее развитыми были западные города региона (Усмань, Липецк, Лебедянь), заметно уступавшие по всем показателям, характеризовавшим современный, по тогдашним меркам, город.

Особое место следует отвести Кирсанову, который являлся сравнительно крупным военно-административным и религиозным центром и вместе с тем имел высокий коэффициент концентрации занятости населения в торговле. В Борисоглебске и Моршанске, с одной стороны, наблюдалась высокая концентрация чиновничества и войск, с другой, они были торговыми и транспортными узлами, занимали высокое место по коэффициенту концентрации промышленности. Самым развитым с точки зрения типичных для индустриального общества занятий населения оказался Козлов, где традиционные сферы деятельности очень заметно «перекрывались» высокой концентрацией жителей, занятых в торговле, промышленности, и на транспорте.

Структура занятий населения тамбовских городов показывает, что многие уездные центры и даже губернский город не имели достаточного количества рабочих мест, подходящих для переселившихся в города неквалифицированных и неграмотных крестьян. Поэтому наиболее массовыми для сельских переселенцев могли стать только профессии чернорабочих, частной и казенной прислуги.

Во второй половине XIX в. чернорабочие «пригодились» для решения важных коммунальных и зачастую связанных с ними экологических проблем²⁶. Особенно важным было строительство водопроводов, колодцев, скважин, которые получали воду из экологически чистых источников, что к концу XIX — началу XX в. во многом освободило города от страшных эпидемических вспышек, связанных с потреблением зараженной воды. Существенным с экологической точки зрения было также использование чернорабочих для мощения дорог (что сокращало привнесение в жилища грязи, уменьшая тем самым антисанитарию) и ассенизаторских обозов, освобождавших города от вредных в санитарном отношении отходов.

Вместе с тем наличие массовой, дешевой рабочей силы в городах при недостаточной развитости современных отраслей экономики, способных, если так можно выразиться, оквалифицировать ее, сохраняло «паразитические» черты доиндустриальных городов. Это особенно проявилось в длительном использовании зажиточными слоями городского населения дешевого труда прислуги и соответственно неучастии многих представителей высших и средних городских слоев в общественном производстве и службе. По нашим совместным расчетам с В.Д. Орловой, структуры трудовой деятельности зажиточных домовладений Тамбова, даже в 1917 г. семьи хозяев дорогих домов на 40% были нетрудовыми. 32% семей квартирантов (не только из высших, но и средних слоев города) также полностью было не занято в общественном производстве

или на службе. При этом на каждое домовладение в среднем приходилось более 2-х человек прислуги²⁷.

Историческая трагичность ситуации конца XIX — начала XX в. заключалась в том, что российское государство и общество оказались не в состоянии не только преодолеть, но и вообще скольконибудь существенно воздействовать на демографические и экологические проблемы, стискивавшие развитие экономики.

Государство даже не ставило вопрос о регулировании рождаемости. Переселенческая политика оказалась явно недостаточной для коренного решения проблемы перенаселения в аграрных регионах.

В действительности, нельзя говорить и о существовании природоохранительной политики государства. В экологической литературе упоминаются лишь предложения ученых того времени о создании природных заповедников²⁸. Из историко-экологических работ профессиональных исследователей можно отметить только статью Э.Г.Истоминой, в которой отмечается, что на протяжении XVIII—XIX вв. в России формировалась лесоохранная политика, но к началу XX в. лесная проблема окончательного решения не нашла²⁹.

Общественность в лице земств и городских самоуправлений пыталась решать демографические и экологические проблемы. Хорошо известны земские мероприятия по развитию здравоохранения сельского населения и агрономической помощи крестьянству.

В начале XX в. местные сельскохозяйственные общества стали обращать особое внимание на дело улучшения породы рогатого скота, устраивая выставки, аукционы, распространяя среди населения указания на необходимость введения травосеяния с переходом затем к молочному хозяйству. Но вся эта работа находилась в зачаточном состоянии и не давала еще каких-либо существенных результатов в деле перехода скотоводства на интенсивный путь развития³⁰.

Нами уже отмечались меры городских дум Тамбовской губернии по благоустройству городов и соответственно снятию некоторых острых экологических проблем. Но эти действия местной общестственности ограничивались их скудным финансовым положением, а порой давали парадоксальные результаты. Так, улучшение медицинской помощи в не меняющей традиционного демографического воспроизводства деревне вело не только к снижению смертности, но и появлению «лишних ртов».

Само население, особенно его преобладающая крестьянская часть, также не могло существенно влиять на демографические и экологические процессы.

* * *

Как справедливо отмечает В.Л.Дьячков, сознательный переход крестьянства к интенсивному хозяйству с одновременным контролем рождаемости и планированием семьи был невозможен в прин-

ципе. Продолжать же существование по правилам экстенсивного низкопродуктивного хозяйства деревня могла лишь сокращая потребление и число размножавшихся ртов. Убирать лишних деревня могла полным пренебрежением к здоровью и жизни ребенка и взрослого, абортными и даже умерщвлением младенцев. Осознавая в какой-то мере «дикость» подобной «демографической политики», крестьянство перенаселенных регионов начинало передвижение в города. Задолго до и относительно независимо от индустриализации и широкой урбанизации деревня ритмично (примерно каждые 14 лет) вбрасывала своих лишних в город³¹.

Но, как мы уже отмечали, города аграрных губерний типа Тамбовской не могли включить переселенцев в секторы современной экономики, что сказывалось на сохранении ими традиционного демографического поведения.

Как пишет В.Л. Дьячков, российские города обеспечили не щадящее вращение, не плавный переход к доминанте социального во вчерашнем крестьянине, а ломку прежних биоритмов с весьма болезненной адаптацией. В город шел не буржуазный работник, а крестьянин с природным биоритмическим набором и эклектичным образом мыслей и действий. Город и значительная часть села оказались в маргинальном, активном переходном состоянии, с развитием неизбежного при ломке биоритмов стресса, индивидуальной и массовой социокультурной и социально-политической агрессии³².

Экологические проблемы также были неразрешимы силами самого традиционного крестьянства. Оно, конечно, понимало невозможность безграничного использования природных ресурсов. В частности, сохранение примитивного трехполья все-таки давало возможность «отдыхать» части земли. Данные материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г. показывают, что во всех уездах губернии и категориях крестьян около 1/3 земли постоянно оставалось под паром³³.

Пониманием остроты проблемы можно считать готовность тысяч хуторян Тамбовской губернии периода столыпинских аграрных преобразований выселяться из переполненных приречных сел и деревень на плакорные пространства, несмотря на трудности строительства здесь прудов, колодцев, скважин и т.п. Но основывать в межречных пространствах крупные поселения было очень трудно. Сравнение списков населенных пунктов тамбовского региона (в современных границах) 1862 и 1917 гг. показывает, что за полвека число сельских поселений увеличилось весьма незначительно — примерно на 100 единиц (около 6%). Вместе с тем существенно выросла людность сельских населенных пунктов губернии и соответственно демографическая нагрузка на среду традиционного обитания³⁴.

В условиях явной нехватки природных ресурсов и особенно малых размеров крестьянских земельных наделов весьма затруднялось введение многопольных севооборотов и других интенсивных приемов ведения сельского хозяйства. Другим крупным ограничи-

телем интенсификации сельскохозяйственного производства в Тамбовской губернии было тяжелое финансовое положение крестьян. Мероприятия Крестьянского банка столыпинского периода по оказанию поддержки отрубникам и хуторянам в обустройстве на новых местах жительства, приобретении техники, удобрений, высокопродуктивных пород скота значительной роли не сыграли, и переломить традиции экстенсивного сельскохозяйственного развития Тамбовской губернии не смогли.

Существенным тормозом общей интенсификации сельского хозяйства региона стало и то, что большинство тамбовских помещиков не стремилось рационализировать свое хозяйство. Они жили главным образом сдачей своей земли крестьянам в аренду, которая как бы расширяла резервы экстенсивного земледелия и, к тому же, не давала крестьянам стимула к высокопродуктивному использованию чужой земли.

Сравнительно немногочисленные «образцовые» помещичьи хозяйства в определенной мере способствовали интенсификации сельской экономики и преодолению аграрного перенаселения. В имениях князей Васильчикова, Вяземского, Барятинского, помещиков Атрыганьева, Павлова, Сабурова применялись современные сеялки, веялки, молотилки и другие сельскохозяйственные машины. Такие хозяева стали засевать большие площади под сахарную свеклу, что было невозможно на маленьких крестьянских участках. Они создавали крупные конные заводы, разводили ценные породы крупного рогатого скота и овец.

Крестьяне имели немалые выгоды от таких соседей. В «образцовых» хозяйствах можно было научиться правильно обрабатывать землю, купить хорошие семена, саженцы плодовых деревьев, породистых животных, подработать на свекольных и других плантациях, на перерабатывающих промышленных предприятиях³⁵.

Но роль таких хозяйств все-таки была ограниченной. Привлечение крестьян в качестве наемных работников на сельскохозяйственных плантациях и фермах, перерабатывающих заводах и фабриках измерялось десятками тысяч человек, а аграрное перенаселение сотнями тысяч. К тому же, подавляющее большинство наемных работников на предприятиях помещиков буржуазного типа являлись сезонниками, т.е. крестьянами, сохранявшими свои хозяйства и не вырвавшимися из перенаселенного аграрного социума.

Тамбовская буржуазия не могла обеспечить принципиального решения демографических и экологических проблем губернии. Этот слой, в основном сохранивший социальный облик традиционного купечества, тяготел к «прокручиванию» в торговле первоначального капитала. Промышленно-инвестиционная активность такого купечества была невелика. «Цивилизованная» буржуазия в Тамбовской губернии, как и в целом по России, к 1917 г. не успела сложиться как заметный слой общества. В итоге медленно развивающаяся современная промышленность явно не обеспечивала создания широкого рынка наемного труда, что создавало до-

полнительную напряженность в перенаселенной тамбовской деревне.

Развиваемое местным купечеством торговое предпринимательство не требовало использования квалифицированного наемного труда. Купцы-оптовики для перевозок и погрузочно-разгрузочных работ обычно использовали извозчиков и грузчиков-чернорабочих, сочетавших непостоянную работу по найму с ведением собственного земледельческого хозяйства на окраинах городов или в окрестных селах.

Выше уже отмечалась деятельность городских самоуправлений по преодолению экологических проблем городов. Большие пожертвования в городское благоустройство, как и в другие сферы, делало местное купечество. Но, с другой стороны, филантропия купцов оборачивалась недостаточными вложениями в создание рабочих мест в промышленности и в других современных по меркам индустриального общества отраслях экономики.

Таким образом, явно недостаточные возможности и усилия государства, местного самоуправления, различных слоев общества по предотвращению кризисного развития демографических и экологических процессов в аграрных регионах типа Тамбовской губернии в начале XX в. привели к тому, что в последующие десятилетия эти процессы стали развиваться во многом стихийно и даже катастрофически.

После Первой мировой и Гражданской войн, «чистки» Тамбовской губернии от участников «антоновщины», выселения отсюда «кулачества», допущения (пусть и неофициального) местными властями в период коллективизации сравнительно массового отъезда тамбовских сельских жителей в индустриальные районы страны избыток населения на Тамбовщине был преодолен.

Падение численности сельских жителей региона началось с конца 1920-х гг. и к концу века стало более чем в три раза меньше. С одной стороны, такое резкое сокращение говорит о депопуляции сельского населения региона, с другой — о преодолении аграрного перенаселения, наметившегося в конце XIX в., о снижении «демографической нагрузки» на природную среду.

Показателем «сброса» излишнего населения можно считать динамику плотности сельского населения Тамбовской области: за первые 200 лет ее истории плотность увеличилась более чем в 30 раз и во второй половине XIX — первой четверти XX в. достигла очень высокого значения (более 50 чел. на кв. км). К концу XX в. она сократилась вдвое, область стала типичным, умеренным по плотности аграрно-индустриальным регионом средней полосы России.

Падение плотности сельских поселений Тамбовщины, происшедшее в послереволюционные 30—40 лет, прекратилось в 1950-е гг. К концу 1980-х гг. она стабилизировалась на уровне 300 чел. Предстоит выяснить, насколько такая населенность оптимальна для природных условий региона.

К настоящему времени зоны самой высокой плотности населения сохранились в приречных пространствах Цны и Лесного Воронежа, что подтверждает устойчивость первоначально сложившейся схемы сельского расселения, ее оптимальность с точки зрения взаимодействия с природной средой. Но при сохранении зонального фона расселения на первый план все больше выходят азональные факторы (городские промышленные ядра — Тамбов, Мичуринск и Уварово, транспортные коммуникации, животноводческие комплексы, птицефабрики, газо- и нефтепроводы и т.д.). Изучение динамики сельского населения в 1975—1989 гг. на уровне сельсоветов как наиболее мелких административно-территориальных единиц показало, что только в 24 из 244 население выросло. Почти все эти сельсоветы располагались вблизи промышленных центров или других крупных хозяйственных объектов³⁶.

После Великой Отечественной войны в Тамбовской области окончательно сломалась традиционная модель расширенного демографического воспроизводства. Уровень рождаемости опустился до норм современного общества. Более того, широкая миграция тамбовской молодежи, особенно сельской, в 1950—1980-е гг. за пределы области существенно изменила возрастную структуру населения. Демографическая возрастная пирамида за 100 лет с конца XIX по конец XX в. чуть ли не перевернулась с основания на вершину. Если в 1897 г. соотношение детей (до 18 лет), взрослых (мужчины 18—60 лет, женщины 18—55 лет) и пожилых людей (мужчины старше 60 лет и женщины старше 55 лет) в Тамбовской губернии примерно составляло в процентах 40 : 50 : 10, то в 1996 г. это соотношение выглядело как 20 : 54 : 26³⁷.

Сокращение доли детей при одновременном «старении» населения в целом стало еще одним проявлением современного демографического кризиса.

С другой стороны, нужно отметить, что демографическое развитие Тамбовской губернии во второй половине XX в., подчиняясь общим законам модернизации, привело к снижению детской смертности, повышению средней продолжительности жизни, изменению мотивации в брачном поведении и повышению брачного возраста³⁸.

Неоднозначно в XX в. развивалась и экологическая обстановка в Тамбовской области. С одной стороны, сохранялась предельная распашка земель, нарастала эрозия почв, распаивались приречные склоны рек, что привело в ряде мест к полному смыву почв и высыханию и мелению малых рек, появилась проблема вредных промышленных отходов. С другой стороны, уже в 1970 г. в области началось уменьшение размеров пашни и, напротив, роста пастбищных угодий, а заметное сокращение распашки земли и выпаса скота в 1990-е гг. повело к восстановлению в некоторых районах области естественных для нее лесостепных ландшафтов и травостоя лугов. В послевоенные годы прекратилось сокращение площади лесов, а посадка лесов, выделение водоохраных полос, рез-

кое сокращение вывоза древесины из области способствовали восстановлению лесных угодий.

Несмотря на все исторические потрясения, в том числе демографического и экологического характера, экономика Тамбовской губернии во второй половине XX в. в значительной степени перешла на рельсы интенсификации. Современное тамбовское крестьянство при сокращении его численности кормит в 10—12 раз больше людей, чем в начале столетия. В 1950—1970-е гг. произошла структурная перестройка тамбовской промышленности, в которой стали преобладать современные отрасли («оборонка», химическое машиностроение, химическое производство и др.). В условиях современного экономического кризиса они все-таки сохраняют свою «живучесть»³⁹.

Существует немало исторических примеров тяжелого протекания демографического и экологического кризисов в аграрных социумах и их губительного влияния на экономику. Специалисты в области исторической экологии, в частности, обращали внимание на кризисное развитие западноевропейского аграрного общества X—XIV вв., проявившееся в резком сокращении и истощении основных природных ресурсов при быстром росте населения и последующем его катастрофическом спаде. Так, раньше других стран это проявилось в середине XIV в. в Англии, где природа оказалась не в состоянии «выдержать» нагрузку 4-миллионного населения. (Заметим, что в начале XX в. в Тамбовской губернии жило около 4-х миллионов человек на территории в 3 с лишним раза меньше английской). В Англии численность населения сокращалась более полувека, а на восстановление четырехмиллионной численности потребовалось более 200 лет (хотя, разумеется, в другой исторической ситуации)⁴⁰.

Историк не обязан навязывать оптимистические прогнозы обществу. Но он вправе обращаться к историческим аналогиям и подсказывать власти и обществу научное понимание современных процессов. Применительно к нашей теме можно сказать только одно, что в России в отличие от наиболее близкой ей Западной Европы протекание наиболее острых исторических катаклизмов аграрного общества происходило быстрее, хотя и с большей мучительной нагрузкой на конкретные поколения. Быстрее была и скорость выхода из кризисных ситуаций.

В современных условиях Россия, недавно вышедшая из аграрного состояния, уже столкнулась с кризисом перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, породившим сложный клубок демографических, экологических, экономических и других проблем. Их глубокие исторические корни требуют постоянного участия историков в их осмыслении. Потому что именно историки могут указать занимающимся только современностью властям, обществоведам, экономистам, демографам на опасность скоротечного решения перечисленных проблем и необходимость осторожного применения в России моделей развития, сформировавшихся в иной исторической обстановке.

Примечания

¹ См.: Баландин Р.К., Бондарев Л.К. Природа и цивилизация. М., 1988. С. 195; Миллер Т. Жизнь в окружающей среде. Т. 1. М., 1993. С. 66.

² См.: Дьячков В.Л. Труд, хлеб, любовь и космос или о факторах формирования крестьянской семьи во второй половине XIX — начале XX в. // Социально-демографическая история России XIX — XX вв. С. 72—82; Его же. Деревня, город, государство и российские революции // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX — начало XX в.: Сб. науч. ст. Тамбов, 2000. С. 93—114.

³ См.: Кабузан В.М. Русские в мире. Динамика численности и населения (1719—1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996. С. 97.

⁴ См.: Миронов Б.Н. Русский город в 1740 — 1860-е годы. Л., 1990. С. 62, 64, приложение, табл. 4.

⁵ Дубасов И.И. Очерки истории Тамбовского края. Тамбов, 1993. С. 34.

⁶ Там же. С. 38.

⁷ См.: Российский государственный архив древних актов. Ф. 1355. Д. 1573. Л. 1.; Д. 1587. Л. 2; Д. 1597. Л. 5; Д. 1621. Л. 1; Д. 1650. Л. 3; и др.

⁸ См.: Дубасов И.И. Указ. соч. С. 380—385.

⁹ См.: Арсеньев К.И. Статистические очерки России. СПб., 1848. С. 399, 402.

¹⁰ См.: Военно-статистический сборник. Вып. 4: Россия. СПб., 1871. С. 229.

¹¹ Грузинов И. Были и повести. М., 1840. С. 103.

¹² См.: Формирование и развитие сельских населенных пунктов (снп) Тамбовской области (XVII—XX вв.) // Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX—XX вв. XXVI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Тезисы доклада на пленарном заседании). М., 1998. С. 3—6.

¹³ См.: Страницы истории Тамбовского края. Воронеж, 1986. С. 43.

¹⁴ Здесь и далее о развитии экономики Тамбовской губернии во второй половине XIX — начале XX в. см.: 200 лет Тамбовской губернии и 60 лет Тамбовской области: Историко-статистический сборник. Тамбов, 1997.

¹⁵ См.: Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Структура и уровень аграрного развития районов Европейской России на рубеже XIX—XX веков (Опыт многомерного анализа) // История СССР. 1981. № 1. С. 97.

¹⁶ См.: Географо-статистические заметки по Тамбовской губернии. Тамбов, 1870. С. 16.

¹⁷ См.: Желтов Н.М. Леса Тамбовской области. Тамбов, 1989. С. 4.

¹⁸ См.: Военно-статистический сборник. С. 247; Народное хозяйство Тамбовской области за 70 лет. Тамбов, 1987. С. 35.

¹⁹ См.: Там же.

²⁰ См.: Полетов А.Д. Исследование экономического положения Центрально-Черноземных губерний и Труды Особого совещания 1899—1901 гг. М., 1901. С. 24—25.

²¹ См.: «И пыль веков от хартий отряхнув...» Хрестоматия по истории Тамбовского края. Тамбов, 1993. С. 131.

22 См.: Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX в. (1900—1921 гг.). Тамбов, 1998. С. 24.

23 См.: 200 лет Тамбовской губернии... С. 17, 27.

24 См.: Там же. С. 27.

25 Подробнее см.: Канищев В.В. Уровень развития городов Тамбовской губернии к концу XIX в. // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России. Липецк, 1998. С. 88—90.

26 См.: Доклады Тамбовской городской управы за 1886—1892 годы. Тамбов, 1886—1882; Отчеты Тамбовской городской управы за 1879—1910 годы. Тамбов, 1880—1911; Тимофеев Д.И. Двадцатипятилетие Тамбовской городской думы. Тамбов, 1896. Финансовые отчеты Тамбовской городской управы за 1911—1915 годы. Тамбов, 1912—1917.

27 Подробнее см.: Канищев В.В., Орлова В.Д. Население зажиточных усадеб Тамбова в 1917 г.: социальный и демографический аспекты // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. М.; Курск, 1994. С. 176—179.

28 См.: Мокиевский В.О. Сохранение природных богатств России. М., 1996. С. 76.

29 См.: Истомина Э.Г. Лесоохранительная политика России в XVIII — начале XX в. // Отечественная история. 1995. № 4. С. 49.

30 См.: 200 лет Тамбовской губернии... С. 15.

31 См.: Дьячков В.Л. Указ. соч.

32 См.: Там же.

33 См.: Поуездные итоги сельскохозяйственной переписи населения Тамбовской губернии в 1917 г. Тамбов, 1921. Табл. посев.

34 См.: Формирование и развитие сельских населенных пунктов (снп) Тамбовской области (XVII—XX вв.)... С. 3—6.

35 См.: 200 лет Тамбовской губернии... С. 16.

36 См.: Формирование и развитие сельских населенных пунктов (снп) Тамбовской области (XVII—XX вв.). С. 5—6.

37 См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 42. Тамбовская губерния. СПб., 1904. С. 27; 200 лет Тамбовской губернии... С. 61.

38 Подробнее см.: Канищев В.В., Протасов Л.Г. Тамбовская история XX в.: Перспективы исследования // 60 лет Тамбовской области. 200 лет Тамбовской губернии: Тезисы к научно-практической конференции. Тамбов, 1997. С. 9—10.

39 См.: 200 лет Тамбовской губернии...

40 См.: Баландин Р.К., Бондарев Л.К. Природа и цивилизация. С. 198—199.